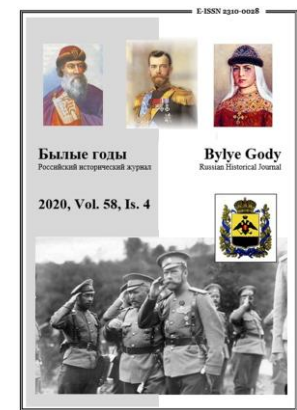

Copyright © 2020 by International Network Center for Fundamental and Applied Research
Copyright © 2020 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
Co-published in the Slovak Republic
Bylye Gody
Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
Vol. 58. Is. 4. pp. 2396-2408. 2020
DOI: 10.13187/bg.2020.4.2396
Journal homepage: <http://ejournal52.com>

Russian Pottery of Western Siberia – from the Present to the Past: Methodological Aspects

Larisa V. Tataurova ^{a, b, *}, Kristina O. Sopova ^a

^a Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences of the Omsk Laboratory of archeology, ethnography and museology, Russian Federation

^b National Research Tomsk State University. Laboratory of archaeological and ethnographical research of Western Siberia, Russian Federation

Abstract

Pottery is the commonest type of artifacts in archaeological research. Also it is extensively represented in the ethnographic collections of museums. Despite these facts pottery is poorly understudied. This article presents the results of a study of Russian archaeological ceramics from the complexes of Modern age and ethnographic pottery from museum collections. We use unified methodology for this research. A pot is the most represented type of clay ware and we focused on its study. We have identified consistent pattern in relation to pot diameters, height and volume. Three groups of pots are singularized: small, medium and large pots. The results showed resemblance of the sizes and morphology of the archaeological and ethnographic Russian pottery. To interpret the results, we analyzed historical documentation containing information about pottery in counties, towns and villages of Western Siberia of the 19th century. The results showed that craft and home pottery production had a wide distribution. The production volume was estimated in thousands of items per year. A functional purpose of size groups of pots was revealed by ethnographic materials, linguistic and folklore sources. There is a terminological difference in the characteristics of the size groups of pots. Ethnographic sources trace the functional features of the dishes, not only within the framework of everyday, but also in ceremonial and ritual use. These interpretations are important for a retrospective analysis of the archaeological material.

Keywords: Russian archaeological and ethnographic pottery, methods, Modern Age, Western Siberia, interpretation.

1. Введение

Керамика как часть материальной культуры русского населения Западной Сибири – уникальный источник, характеризующий одну из основных составляющих системы жизнеобеспечения – структуру питания. В процессе адаптации в сибирской среде она прошла несколько уровней развития (Татаурова, 1998: 206-218; Адаптация русских..., 2014: 207-214).

Как элемент традиционной культуры повседневности посуда входит в состав этнографических коллекций, а в археологических собраниях – это самый массовый вид находок, многократно превосходящий по объему музейные. Однако как исторический источник русская керамика Сибири, несмотря на наличие публикаций (Татаурова, 1995; Володина, Черная, 2012) и двух диссертационных работ (Татаурова, 1997; Мамонтова, 2014), изучена слабо. Этому мешают несколько причин.

Главная – источниковедческая: глиняная посуда из этнографических собраний очень редко попадает в поле зрения ученых; анализ огромных археологических керамических коллекций при многообразии других предметных комплексов с русских памятников, как правило, происходит в последнюю очередь.

* Corresponding author

E-mail addresses: li-sa65@mail.ru (L.V. Tataurova), sopovaukropova@gmail.com (K.O. Sopova)

В культурологическом аспекте проблема в том, что в российской археологии позднего периода направление процесса исследований идет чаще не от этнографической современности в древность (от известного к неизвестному), а, наоборот, – от моделей, полученных на древнерусских материалах – к Новому времени и сопоставлению их с этнографией. Как справедливо считает Г.Х. Самигулов, это парадоксальная ситуация (Самигулов, 2007: 114).

Но на это есть свои причины, которые, по мнению Ю.М. Лесмана, связаны с вопросами современных наработок в этнографии материальной культуры русских, а именно: 1) наличие источниковедческого разрыва между археологическими материалами, обработанными по правилам археологической науки (типологии, хронологии, ареалы распространения), и материалами этнографии и музейными коллекциями; 2) методический разрыв, который связан с отличающимися принципами обработки материала в археологии и этнографии; 3) избирательность сбора этнографических материалов, поэтому они мало сопоставимы с археологическими коллекциями (Археология..., 2005: 87).

К этому стоит добавить, что монографические работы по этнографии XVII–XVIII вв. построены на письменных источниках (см., например, *Этнография русского крестьянства, 1981*). Привлечь их для анализа археологического материала еще более сложно, несмотря на то, что они отражают время, синхронное существованию изучаемых памятников. Эта проблема также поднималась в публикациях (Артемьев, 2007).

Описанные проблемы позволяют констатировать обоснованность использования древнерусских материалов, обработанных по правилам археологической науки и сопоставленных с письменными источниками своего времени, для систематизации и изучения коллекций XVII–XIX вв.

В этом исследовании мы попытаемся преодолеть источниковедческий и методический разрывы в обработке музейных и полученных из раскопок собраний русской глиняной посуды, оценить возможности ретроспективного анализа этнографических и археологических керамических форм.

Цель данной работы – представить результаты исследования в рамках единой методики русской археологической керамики XVII–XVIII вв. и этнографической посуды из музейных коллекций, во-первых, для изучения самого материала; во-вторых, для выяснения возможности сопоставления посуды разных хронологических периодов и его репрезентативности.

2. Обсуждение

Классик исследования гончарного производства керамики А.А. Бобринский использовал этно-археологический подход: на этнографических материалах Восточной Европы он проследил признаки, характеризующие развитие функций гончарного круга, на основании которых можно изучать навыки и уровни керамического производства в различных археологических культурах (Бобринский, 1978: 27). Предложенные им методики оказались эффективны, потому что технологии изготовления глиняной посуды, начиная с самых простых, дожили до современности.

Вопросы интеграции археологических и этнографических знаний в изучении керамики рассматривал И.Г. Глушков. По его мнению, этнография интуитивно «указывает культурно-значимые признаки, вырабатывает механизм реконструктивного моделирования», но важным является механизм ее использования. Этнография должна выполнять роль «источника накопления опыта в разных областях вещного мира во взаимосвязи с деятельностными стереотипами» (Глушков, 1996: 110, 110/2).

Программы статистической обработки керамики, которые можно применять к археологическому и этнографическому материалу, предложил В.Ф. Генинг. Для извлечения всесторонней информации необходимо создать:

- 1) единую терминологию;
- 2) единую методику получения характеристик;
- 3) категории и группы показателей, характеризующих каждый комплекс керамики;
- 4) относительные и абсолютные величины для показателей (Генинг, 1973: 114-135).

В.Ф. Генинг отмечал, что единичный комплекс керамики даже при самой тщательной обработке, взятый сам по себе, еще не становится достаточно ценным источником для исторических исследований. Лишь при сравнительном анализе целого ряда керамических материалов перед исследователем открывается широкое поле для исторических построений.

Такой подход, с учетом основных характеристик сосуда – формы, размерных и технологических данных – использован нами при работе с археологическими и этнографическими коллекциями керамики, что позволило извлечь максимум полезной информации.

Изучение русского гончарства в Сибири развивается в трех направлениях: на основе археологических методик, этнографических наблюдений и этно-археологических реконструкций.

Археологические методики типологии тобольской керамики использовали в своих работах О.М. Аношко и Т.В. Селиверстова, И.В. Балюнов. Основной акцент О.М. Аношко и Т.В. Селиверстова сделали на изучении морфологии горловин горшков, признав этот тип посуды самым распространенным (Аношко, Селиверстова, 2009: 85). И.В. Балюнов в продолжение этого подхода изучил конструктивные схемы венчиков и разработал классификацию тобольской керамики,

в которой он видит эталонный датирующий материал для XVI–XVII вв. (Балюнов, 2018: 122). Этнографические материалы при составлении этих систематизаций не учитывались.

Этнографические наблюдения по технологии керамического производства в Новосибирской и Томской областях в начале XX в. на основании дневников Н.Н. Нагорской представил А.В. Новиков. Рассмотрены все этапы изготовления посуды, ее ассортимент и распространение (Новиков, 1999: 53-55). Но археологические материалы в качестве аналогий не привлекались.

О.С. Мамонтова изучила гончарство русского населения Алтая и представила типологию этнографической посуды, в основе которой лежит функциональный принцип (Мамонтова, 2014: 134-162). Однако в выделенные типы попали сосуды разных морфологических групп, так как определение использования посуды выявлялось по описаниям и названиям, где любая форма глиняной посуды определялась как горшок. Археологические методики попали в историографический обзор и признаны не применимыми к этнографическому материалу (Мамонтова, 2014: 133).

Этно-археологический подход к изучению археологической коллекции керамики русских поселенческих комплексов Нового времени Омского Прииртышья предложила Л.В. Татаурова (1997). Основные критерии типологии, назначение и применение посуды изучались по этнографическим материалам, которые помогли выявить названия изделий, их функции и формы, виды блюд (Татаурова, 1998: 88-123). Назначение определяет форму сосуда, технологию изготовления (Татаурова, 2015: 142-155).

Выделение типов в археологическом материале осуществлялось на основе эталонной типологии этнографической посуды, представленной полными формами (Татаурова, 1998: 88-123). Однако стоит заметить, что этнографические эталоны типов использовались как наглядное пособие, так как в музейных коллекциях нет репрезентативных выборок посуды.

В данной работе предложен иной подход, основанный на единой методике для анализа археологической керамики из русских комплексов Нового времени и этнографической посуды из музейных коллекций Прииртышья. Предметом изучения стал самый распространенный и наиболее представленный в коллекциях тип посуды – горшок (Татаурова, 2013; Сопова, Татаурова, 2017).

2. Материалы и методы

Источником послужили этнографические коллекции керамики Тобольского историко-архитектурного музея заповедника (22 экземпляра), Большерецкого историко-краеведческого музея «Старина Сибирская» (23 экземпляра) и музея археологии и этнографии ОмГУ им Ф.М. Достоевского (4 горшка). Всего из музейных собраний исследовано 49 сосудов.

Археологический источник: 21 горшок – реконструированные и целые формы из русского комплекса Ананьино-I (Тарский район Омской области) (Татаурова, 2015), 12 горшков – из Тары (Татаурова и др., 2019: 40-49).

Для изучения коллекций керамики применяется методика, включающая:

- 1) территориальную и хронологическую привязку керамических форм;
- 2) типологическую атрибуцию и характеристику в рамках типа;
- 3) описание морфологических (форма венчика, шейки, тулова и др.) и технологических (гончарная, лепная, способы обжига, обработки поверхности, орнаментации и т.д.) признаков;
- 4) определение размерных характеристик: диаметр по венчику, диаметр дна, максимальный диаметр шейки и тулова сосуда, общая высота, высота шейки;
- 5) Расчет объема сосуда с использованием формулы, предложенной В. А. Посредниковым

для вычисления этого показателя для керамики эпохи бронзы:
$$V = \left(\frac{\pi R^2 + \pi r^2}{2} \cdot H \right) + \frac{\left(H \cdot \frac{2\pi R + 2\pi r}{2} \right) \cdot h}{2}$$
, где R – радиус устья, r – радиус дна, H – высота сосуда, h – высота сегмента, образованного стенкой сосуда и стороной усеченного конуса, вписанного в сосуд (Посредников, 1987: 17);

- 6) систематизация предметов в рамках типа на основе полученных результатов;
- 7) интерпретация назначения внутри типового разнообразия посуды.

В результате анализа выявленных характеристик этнографической коллекции керамики прослежена закономерность в соотношении диаметров сосудов по венчику, высоте и объему (Рисунок 1/ 1, 2, 5, 6, 9, 10).

Рис. 1. Русская керамика Прииртышья XVII–XX вв. Горшки. 1, 2, 3, 4 – маленькие горшки первой группы; 5, 6, 7, 8 – горшки среднего размера – вторая группа; 9, 10, 11, 12 – горшки и корчаги – третья группа. 1, 5, 9 – коллекция этнографической керамики Большереченского историко-краеведческого музея «Старина Сибирская», XIX–XX вв.; 2, 6, 10 – коллекция этнографической керамики Тобольского историко-архитектурного музея заповедника XIX–XX вв.; 3, 7, 11 – коллекция из раскопок поселения Ананьино-I, XVII–XVIII вв.; 4, 8, 12 – коллекция из археологической коллекции г. Тары, XVII–XVIII вв.

На этом основании выделены три группы горшков: малые, средние и большие (Таблица 1).

Таблица 1. Характеристики размерных групп горшков

Группа	Этнографическая коллекция 49 экз.			Археологическая коллекция 33 экз.		
	Диаметр, см	Высота, см	Объем в литрах	Диаметр, см	Высота, см	Объем в литрах
Малые	7,5–11,5	9,6–12	0,8–1,8	8–10	5,5–9	0,6–1,5
Средние, подгр. 1	12,6–15,5	15,2–20	3–4	14–16	12–16	3–5
Средние, подгр. 2	17,9–24	20–29	5–6	–	–	–
большие	20–27	20–30	>6	17–22	18–21	7
корчаги	32	28–33	10	20–26	34	10

К малым (Рисунок 1/ 1, 2; Таблица 1) отнесены 17 экземпляров: сосуды с диаметром венчика от 7,5 до 11,5 см, днища 6–7,9 см, основания шейки от 7,7 до 11 см, максимальным по тулову 11–14,8 см. Общая высота горшков 9,6–12 см, высота шейки 1,4–3 см. Толщина стенок 0,4–1 см. Объем горшков 0,8–1,8 л.

Горшки этой группы изготавливали методом вытягивания на гончарном круте, обжиг горновой (Адаптация русских..., 2014: 206–218). Один сосуд выполнен ручной лепкой, обожжен в домашней печи. Венчики отогнуты наружу, округлой формы, поверхность покрыта темно-коричневой глазурью, или лощением, в некоторых случаях шейка и тулово орнаментированы горизонтальными линиями.

Горшки средних размеров (26 шт.) можно разделить на две подгруппы: объемом 3–4 л и вмещавшие до 6 л (Таблица 1).

Для первой подгруппы (Рисунок 1/5) из 11 предметов характерны сосуды с диаметрами венчика 12,6–15,5 см, дна 7,9–12,3 см, основания шейки 11,7–15,6 см, максимальный по тулову – 14,6–22 см. Общая высота 15,2–20 см, высота шейки 1,5–5 см. Толщина стенок 0,7–0,9 см.

Вторая подгруппа (Рисунок 1/6), 15 экз., с диаметрами венчиков от 17,9 до 24 см, дна 12,5–19 см, основания шейки 18–24 см, максимальный по тулову 20–30 см. Общая высота 20–29 см, высота шейки 1–3 см, толщина стенок 0,7–1,4 см.

Горшки средних размеров имеют отогнутый наружу или вертикальный округлый по форме венчик. Большинство выполнено на гончарном круте. Два сосуда изготовлены вручную, методом

кольцевого ленточного налета. Часть изделий покрыта коричневой глазурью, или лощением, есть экземпляры с линейным прочерченным на плечиках орнаментом в виде волны (Рисунок 1/5).

Группа больших горшков из 6 экз. (Таблица 1) разделена на две подгруппы: объемом от 6 л и от 10 л – корчаги.

Первая подгруппа (Рисунок 1/9), с диаметрами по венчику 20–27 см, по дну 14–20 см, основанию шейки 20–24 см, максимальным по тулову 20–24 см, общая высота 20–30 см, высота шейки 2,5–3 см, толщина стенок 1–1,5 см.

Вторая подгруппа (Рисунок 1/10) – корчаги, вместимостью от 10 л, с диаметрами по венчику 32 см, дну 22–28 см, основанию шейки 24–31 см, максимальным по тулову 28–41 см. Общая высота 2–33 см, высота шейки 2–3 см, толщина стенок 1,4–2 см.

Четыре корчаги изготовлены на гончарном круге, две выполнены методом скульптурной лепки. Часть сосудов покрыта глазурью темно-зеленого или коричневого цвета. Венчики вертикальные, округлой формы. По функциональному назначению выделяются два подтипа с отверстием (подырушки) и без него (Татаурова, 1998).

Исследование посуды из археологических комплексов Тарского Прииртышья (33 экз.) по предложенной методике выявило также три размерные группы (рис. 1/ 3, 4, 7, 8, 11, 12; табл. 1).

Малые горшочки (Рисунок 1/3, 4), 6 экз., диаметры по венчику 8–10 см, дну 5,3–7,8 см, основанию шейки 7,6–12 см, максимальный по тулову 9,5–13,5 см. Высота: общая 5,5–9 см, шейки 1–1,7, толщина стенок 0,4–0,5. Вмещают 0,6–1,5 л. Горшки из Ананьино и Тары – ручной лепки, без дополнительной обработки поверхности, обжиг печной в восстановительной среде.

Горшки средних размеров (Рисунок 1/7, 8), 13 шт., диаметры по венчику 14–16 см, дну 10–12,5 см, основанию шейки 14,3–19 см, максимальный по тулову 18,4–21 см. Общая высота 12–16 см, высота шейки 1–4 см, толщина стенок 0,5–0,9 см. Вмещают от 3 до 5 л. Один сосуд оплетен берестяными полосками, с помощью которых посуду укрепляли или чинили. Горшки выполнены в технике ручной лепки, без дополнительной обработки поверхности, кроме одного чернолощеного из Ананьино. Обжиг печной в восстановительной среде.

Большие горшки (14 шт.), как и в этнографической коллекции, можно разделить на две группы: крупные, объемом до 7 л, и корчаги около 10 л.

Для первой группы (8 шт.) диаметр по венчику от 17 до 22 см. Диаметры дна 11,4–17 см, основания шейки 17,8–19,7 см, максимальный по тулову 22–24 см. Высота горшков 18–21 см, высота шейки 1,8–3 см, толщина стенок 0,5–1 см.

Корчаги (Рисунок 1/11, 12), 6 экз., диаметры по венчику от 20 до 26 см, дну – 22 см, основанию шейки 22–23 см, максимальный по тулову 30–34 см. Общая высота 34 см, высота шейки 2,5–3,5 см, толщина стенок 0,6–1,3 см.

Большинство горшков этой группы из Тары произведено ручным способом, два сосуда изготовлены на гончарном круге. В качестве дополнительной обработки поверхности использовалась полива (Рисунок 1/12) и «пеленание» берестяными лентами. Почти все сосуды обожжены в восстановительной среде, только один горшок – в окислительной, о чем свидетельствует светло-красный цвет черепка. Сосуды большого размера памятника Ананьино-I выполнены ручным способом без применения гончарного круга, обжиг печной в восстановительной среде. Один горшок лощеный и один орнаментирован горизонтальными линиями по шейке.

У всех горшков археологической коллекции схожая форма венчиков: отогнутая наружу, реже вертикальная. Дополнительная обработка сосудов встречается гораздо реже, чем в этнографической коллекции.

3. Результаты

Проведенные исследования позволяют сделать вывод о схожести размерных характеристик выделенных групп сосудов (Таблица 1) и морфологии венчиков археологической и этнографической русской керамики.

Расхождения в полученных данных связаны с небольшой выборкой в каждой коллекции и спецификой выбранных источников.

Вариативность размеров в группах этнографической посуды связана, как указывалось выше, с условиями формирования коллекций – избирательностью попадания в них предметов и зачастую отсутствием хронологических данных бытования каждого из них. Кроме того, посуда, оказавшаяся в музейных собраниях, скорее всего, была приобретена ее владельцами на рынках или у частных мастеров и отражает продукцию разных видов и уровней ремесленного производства, отличающуюся размерными стандартами форм и объемов.

Археологическая посуда, наоборот, представляет весь типовой и размерный ассортимент, использовавшийся русским населением определенного памятника в период его существования. Но, несмотря на внушительный объем коллекций, зачастую она имеет фрагментарный вид, и по верхним частям сосудов можно получить информацию только о диаметре по венчику, его форме и технологическим характеристикам. Однако, по мнению Ю.А. Лихтер, «соотношение различных размеров позволяет также выявить модуль, на который мастер ориентировался при создании

изделия. Это, в свою очередь, дает возможность реконструировать целые формы по фрагментам» (Лихтер, 2015: 171). С увеличением объема целых сосудов в археологической выборке репрезентативность выводов будет только расти. В итоге получим эталонную типологию археологической посуды для определенного хронологического периода, памятника, региона Сибири и т.п. На ее основе можно будет изучить истоки русского сибирского гончарства и его развитие.

Интерпретационное поле такой типологии будет формироваться на основе знаний, полученных с помощью этнографических методов из письменных источников, справочных изданий. Изъяном всех этих материалов, как правило, является отсутствие или неполнота метрических данных, хронологических привязок, иллюстраций и избирательность.

Но именно этнография есть связующее звено с живой культурой, многообразии отношений с которой потеряно или ослаблено для археологического источника Нового времени (Татаурова, 2015а).

Этнографические данные, собранные одним из авторов, свидетельствуют, что доля керамической посуды в общем объеме домашней утвари, предназначенной для хранения продуктов и приготовления пищи, была велика. Так, на семью из 4 человек минимальное количество керамической посуды составляло 25–30 единиц. Среди них три–четыре горшка и одна–две корчаги (Материалы комплексной., 1996, д. 104-1. карт. 1–35). К сожалению, размерные характеристики керамики информаторы не помнили.

На большой объем используемой в быту глиняной посуды указывают письменные источники XIX в. Прежде всего это статистико-экономические обозрения, сведения о кустарных промыслах, материалы для изучения экономического быта и др. Они представляют развитие гончарного промысла в уездах, городах и деревнях Западной Сибири, характеризуют масштабы производств и типовое разнообразие выпускаемой продукции, цены на посуду. В них есть информация, относящаяся к предмету нашего исследования. Так, согласно данным М.Н. Соболева на 1909 г. по Томской губернии, в ассортименте глиняной посуды были горшки обливные (т.е. покрытые поливой – Авт.), горшки не обливные, горшки большие и корчаги (Соболев, 1910: 1-3). Это описание указывает как на технологические, так и на относительные размерные характеристики – от них зависела цена на изделия.

Об объемах выпускаемой керамической продукции свидетельствуют материалы, собранные М.Н. Соболевым (Соболев, 1910: 1-39) и Н.Л. Скалозубовым (Скалозубов, 1895: 19-41) в Томской и Тобольской губерниях, которые структурированы в Таблице 2.

Таблица 2. Объемы выпускаемой керамической продукции и цены (конец XIX – начало XX вв.)

Уезды	Горшок	Корчага	Всего, в т. ч. другие типы	Стоимость
Томская губерния	штук в год	штук в год	штук в год	копеек
Бийский	–	–	10 000	Горшок – 20
Мариинский	–	–	55 000	Горшок – 10
Змеиногорский	–	–	423 500	Горшок – 5–6. Большой горшок 10–30. Корчага – 25.
Барнаульский	5500	1000	–	Корчага – 6–15 Горшок – 2–6
Кузнецкий	200	–	–	–
Каинский	100	200	2000	Корчага – 10, Горшок – 3–15
Шадринская вол.	–	–	10000	Корчага – 6, горшок – 4.
Тобольская губерния				
Белозерская вол. д. Масляно	4000	3500	67500	–
Тугулымская вол. д. Пискулина	–	5000	–	–
Смолинской вол.	–	–	60 000	–
Тарский округ, Рыбинская вол.	5000	2000	8000	–
Тюкалинский округ, Любинская вол.	1000	1000	–	–

Тюкалинский округ, Саргатская вол.	–	1000	–	–
Ялуторовский округ дер. Кучеметевка, Выползовой, Лысановой	3000	-	-	-

Несмотря на относительность и неполноту представленных в таблице данных, она дает представление о количестве выпускаемой в год продукции. Потребность в керамике диктовалась ее быстрым выходом из обихода из-за относительной хрупкости, поэтому объемы производства были представительны, а цены ниже, чем на посуду из других материалов. Кроме специализированных ремесленных центров, существовало и изготовление нужных типов на дому, которое, по словам информаторов, исчезло только к 1950-м гг., что подтверждается археологией деревенских памятников.

Горшок является универсальной формой посуды, поэтому используется в быту уже тысячу лет. Устойчивый унифицированный вид он приобрел к IX в., возникнув как тип в южнорусских областях, когда здесь появились печи для обжига, а затем и гончарный круг (Розенфельдт, 1997: 22).

Своей округлой и выпуклой формой горшок во всем обязан русской печи, которую топят не снизу. В процессе топки нагреваются под и стенки печи, поэтому горшок и его содержимое согревается с боков, а не со дна, его делали очень узким, поэтому оно менее теплоемкое. Кроме того, поддевать ухватом горшок с таким дном очень удобно. В Сибири, например, в некоторых областях ухват так и называли – «горшовник».

В горшках варили супы и кашу, тушили мясо, рыбу, овощи, делали разнообразные запеканки и напитки, хранили крупы, соль, муку, масло, топленый жир.

Различия в использовании горшка в зависимости от объема отражены в словарях. В.И. Даль горшку посвятил большую статью, анализ которой показал обозначенную выше проблему избирательности в изучении керамики. К горшку относится «округлый, облый глиняный сосуд различного вида, выжженный на огне» (Даль, 1998: Т. 1: 639). Кроме описания горшка как отдельного типа, приводятся характеристики разного содержания и объема для других по назначению сосудов: высокие, узкогорлые, для молока; глек, балакир, кринка, горнушка, горлачь; цветочные горшки, горшки сахароваров, поливные кувшины, для стока в них патоки, ночные горшки (Даль, 1998: Т. 1: 639). Из этого можно сделать вывод, что в данном случае название горшок характеризует совокупность глиняной посуды с различным назначением.

Возвращаясь к словарному толкованию типа горшок и его формообразующим характеристикам, заметим, что у В.И. Даля они даны самому крупному его представителю – корчаге: «...корчага или макитра, самый большой горшок, репкой (т.е. формой похожей на репу – Авт.), с узким дном» (Даль, 1998: Т. 2: 434). «Большой глиняный горшок или чугунок, чугуничек (для представления формы В.И. Даль привел аналогии с похожим изделием из металла – чугуном, который впоследствии вытеснил глиняные корчаги – Авт.), развалистее горшка. Корчага щаная, пивная» (Даль, 1998: Т. 2: 434).

По поводу назначения щаной корчаги стоит заметить, что ее использовали не для приготовления основного блюда русской кухни – щей, а для получения лучшего сорта кваса из смеси солодов под названием «щи кислые», которые потом «дозревали» в бутылках (Беловинский, 2007: 773). С этой поправкой в приведенном выше определении В.И. Даля корчага – сосуд для кваса и пива.

В словаре русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья этот сосуд назван «корчаж», «корчажка» (Садретдинова, 1992: 78). Существует два подтипа корчаг для разного назначения. В корчагах с отверстиями внизу (подырушках) варили пиво и квас (Даль, 1998: Т. 2: 434-435). В корчагах без отверстий солили рыбу, сало, сохраняли продукты, в том числе ягоды, например бруснику, которую заготавливали на зиму путем томления в этой же посуде в русской печи. В таких емкостях держали расходный запас воды (Беловинский, 2007: 312). Вероятно, к корчаге в таком контексте в Среднем Прииртышье относится название «подольник» – высокий горшок для воды (Садретдинова, 1993: 27).

В домонгольский период корчагами называли большие греческие амфоры для вина. Позднее, после прекращения торговли с Причерноморьем, название закрепилось за горшками больших объемов, в которых варили пиво.

Другую подгруппу больших «щаных» (для щей – национального русского блюда) горшков В.И. Даль называет «естальник», «егольник». О приготовлении щей в глиняных горшках писал В.В. Похлебкин (Похлебкин, 1997: 64, 71).

К горшкам средней размерной группы, вероятно, относится название кашник (Даль, 1998: Т. 1: 639). В зависимости от потребностей семьи выбирали вместимость посуды: чем больше едоков, тем больше горшок для каши. Это отражают объемы сосудов средней группы из изученных этнографических коллекций: 1 подгруппа 3–4 л, 2 подгруппа 5–6 л (см. Таблицу 1).

Из этнографических сборов по Тарскому Прииртышью выявлено назначение маленьких горшочков. Их называли «топлюшки» и использовали для приготовления детской пищи – каш, топленого молока, «макушек» (отвар в молоке головок мака), использовавшихся как седативное средство для детей (Татаурова, 1998: 96-97).

В словаре русского языка XI–XVII вв. для маленьких горшочков встречается название «махотка». В указанном источнике назначение этой посуды – для хранения мелких денег, т.е. в качестве копилки (Словарь русского языка, 1982: 49), в словаре В.И. Даля – маленький (малюсенький) горшочек кашничек: «махотка маленька, да кашка сладенька» (Даль, 1998. Т. 2: 807). Вероятно, топлюшка и махотка – названия одной группы горшков.

К сожалению, за неимением размерных характеристик в словарных и этнографических описаниях отнесение имеющихся названий и назначений к разным группам горшков обладает долей условности.

Горшок, кроме утилитарной, выполнял и другие функции. В этнографических наблюдениях у русских Европейской России зафиксировано много примет, обрядов и поверий, в которых он фигурирует или используется. Например, при строительстве дома укрепление балки, на которую стелется потолок, сопровождалось установкой горшка с кашей (Рыбаков, 1987: 465-466). При переезде в новый дом в горшке переносили угли, чтобы затопить печь в новом жилище. В Сибири для горшков под угли есть свое название «кандорка» (Садретдинова, 1993: 25). «При посадке капусты в обычае выносить на грядку худую корчагу; после родов роженице правят живот – «накидывают» на него горшок; детское место кладут в глиняный горшок, который потом зарывают во дворе; сосуды, в которых была вода для омовения покойника, выбрасывали в строго определенное место» (Быт великорусских крестьян..., 1993: 132, 141, 144; Славянские древности, 1995: 526-530).

В Вятской губернии в обряде «троецепляница» использовали корчаги, куда складывали куриные потроха, а также горшок, в котором куриные кости топили в воде или закапывали в землю (Зеленин, 1994: 110-117). Керамика служила и в качестве оберега. Старый горшок помещали на высоком шесте в том месте двора, где находились курицы насесты. В горшке селился дух, покровительствующий курам (Зеленин, 1994: 140).

Горшок наделяли почти всеми человеческими качествами: выглядит он как голова (есть выражение: «голова как пустой горшок»), даже есть стрижка «под горшок», и носик у него есть, и горлышко, и плечики, и ручка; были у него и рождение (создание), и смерть (разбивание) (Топорков, 1990: 82-97; Славянские древности, 1995: 526-530).

Если вспомнить русские народные сказки, то глиняный горшок часто являлся одним из основных их элементов, например, в сказке про теремок: «Ехал Горшениа, горшок потерял...», в сказке о девочке, которая мечтала о том, чтобы у нее дома в горшочке всегда варилась каша и т.д.

Интересными являются наблюдения по отношению к поврежденной посуде (такая есть в изученной коллекции). Разбитую, как правило, выбрасывали, но если посуда треснула, ее пытались реставрировать, используя несколько методов: куриный белок смешивали с растолченной обожженной керамикой (кирпич, черепки посуды), этой смесью заделывали трещину. Другой метод – «пеленание» лычкой, холстиной, мочалом, после чего все промазывали глиной или тестом. Но чаще просто «пеленали» полосками бересты, это фиксируется по археологическим материалам. После починки такую посуду использовали для сыпучих продуктов (Материалы комплексной..., 1996, д. 93-6, карт. 5; д. 104-1, карт. 30, 33). Такой способ ремонта посуды описан по материалам раскопок в древнерусских городах. Горшки, оплетенные берестой, назывались «пеленатыми» (Розенфельд, 1962: 111).

Описанный способ починки отражен в поговорках: «Был младенок – не знал пеленок, стар стал – пеленаться стал» – и пословицах: «Жена не горшок – не расшибешь, а расшибешь – берестой не перевьешь» (Даль, 1998. Т. 1: 639).

4. Заключение

В конце XVI в. горшок и другие типы посуды стали завоевывать Сибирь вместе с русскими переселенцами, которые принесли сюда новые технологии, в том числе и гончарный круг. Новшества настолько быстро прижились на сибирской земле, что к началу XVIII в. аборигенная керамика практически исчезла, ее сменила посуда традиционных русских форм (Татаурова, 1996: 47-48).

Проведенные исследования по керамическому производству Тарского Прииртышья XVII–XIX вв. выявили 13 типов посуды (Татаурова, 1997: 141). Преобладающими среди них были горшки (стоит заметить, что форму горшка имеют сливочки, рукомойники). Такой ассортимент представлял самые необходимые в повседневном быту формы и сохранялся вплоть до XIX в. Это подтверждают археологические материалы.

С XIX в., как считает В.Ю. Коваль, ассортимент типов керамической посуды расширяется. Наряду с разноразмерными горшками, корчагами, мисками, кувшинами, кубышками, в массовом производстве появляются редкие или неизвестные ранее формы: крынки, кружки, подсвечники, квасники, цветочные горшки и вазы, тазы, лохани, противни, блюда, дойники, пряничные формы и т.п. (Коваль, 2011: 323). Это отражают музейные этнографические коллекции.

Подводя итоги проведенного исследования, можно сделать такие выводы: единая методика изучения этнографической и археологической посуды позволяет получить репрезентативную картину керамических типов, отражающую особенности метрических данных, морфологии, технологии изготовления. И это достоинства археологического подхода к изучению.

Интерпретационное поле лежит в ведении этнографии. В целом оно представляет общекультурный фон, сформировавшийся в процессе функционального и мировоззренческого применения посуды как важнейшей составляющей культуры повседневности. В отдельных районах, областях, населенных пунктах этот фон может дополняться региональными деталями и особенностями и отличаться от традиционного, в частности, это прослеживается в разных названиях типов посуды и горшка. Однако названия отражают и приоритеты в назначении разных групп керамики.

Безусловно, фоновая общекультурная этнографо-лингвистическая атрибуция этого и других типов посуды наполняет «духовное» восприятие каждого предмета различным содержанием как утилитарного, так и неутилитарного свойства. Утилитарные свойства объединяют имеющийся материал в группы в соответствии с их функциональным назначением. Неутилитарные – стали основой общекультурной смысловой нагрузки предметов, встраивающие их в мировоззренческую среду как элементы обрядовых действий, мифологических структур и народной мудрости.

Конкретная привязка археологического материала к культуре повседневности периода его бытования через этнографию очень важна для восстановления разрушенных временем связей этого (археологического) материала с существовавшей действительностью.

Работа с разными коллекциями в рамках единой методики позволит провести сравнительный анализ между ними и получить объективные интерпретации культурных явлений.

5. Благодарности

Работа выполнена по гранту Российского научного фонда, проект № 18-18-00487 «Русское население Сибири XVII–XIX вв.: этнокультурная адаптация в археологическом и антропологическом измерении».

Авторы выражают признательность И.В. Балюнову за помощь в работе с коллекциями Тобольского историко-архитектурного музея-заповедника, заведующему отделом научно-фондовой и экспозиционной работы Большереченского историко-краеведческого музея «Старина Сибирская» Р.Н. Пермякову. Благодарим С.Ф. Татаурова, С.С. Тихонова, М.П. Черную за возможность работы с археологическими материалами г. Тары.

Литература

Аношко, Селиверстова, 2009 – Аношко О.М., Селиверстова Т.В. Характеристика русской гончарной посуды из раскопок на территории Верхнего посада г. Тобольска // *Вестник Тюменского государственного университета*. 2009. № 7. С. 80-90.

Артемов, 2007 – Артемов А.Р. Памятники истории освоения русскими Сибири и Дальнего Востока на современном этапе археологического изучения // *Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв.: Историко-археологические исследования*. Т. 5. Ч. 1. 2007. С. 124-171.

Археология..., 2005 – Археология позднего периода истории. Материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала «Российская археология» // *Российская археология*. 2005. № 1. С. 81-89.

Балюнов, 2018 – Балюнов И.В. Тобольская керамическая посуда конца XVI–XVII в.: опыт классификации // *Вестник НГУ. Серия: История, филология*. 2018. Т. 17. № 5: Археология и этнография. С. 120-129.

Беловинский, 2007 – Беловинский Л.В. Иллюстрированный энциклопедический историко-бытовой словарь русского народа. XVIII – начало XX в. М., 2007. 784 с.

Бобринский, 1978 – Бобринский А.А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. Москва, 1978. 272 с.

Быт великорусских крестьян..., 1993 – Быт великорусских крестьян-землепашцев (Описание материала этнографического бюро князя В.Н. Тенишева). Санкт-Петербург, 1993. 238 с.

Володина, Черная, 2012 – Володина В.С., Черная М.П. К методике исследования русской средневековой городской керамики как исторического источника // *Вестник Омского государственного университета*. 2012. № 2 (64). С. 332-336.

Генинг, 1973 – Генинг В.Ф. Программа статистической обработки керамики из археологических раскопок // *Советская археология*. 1973. № 1. С. 114-135.

Глушков, 1996 – Глушков И.Г. Керамика как археологический источник. Новосибирск, 1996. 382 с.

Даль, 1998 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1998. Т. 1. 944 с. Т. 2. 1024 с.

Зеленин, 1994 – Зеленин Д.К. Избранные труды. Статьи по духовной культуре. 1901–1913. М., 1994. 400 с.

- Коваль, 2011** – Коваль В.Ю. Керамическое производство в центральных районах России в XVII–XIX вв. // *Культура русских в археологических исследованиях: междисциплинарные методы и технологии*. 2011. С. 317–323.
- Лихтер, 2015** – Лихтер Ю.А. Вещественный источник и база данных – принципы взаимодействия. М., 2015. 414 с.
- Мамонтова, 2014** – Мамонтова О.С. Гончарство русского населения Алтая в конце XIX – первой половине XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Томск, 2014. 258 с.
- Материалы комплексной.., 1996** – Материалы комплексной археолого-этнографической экспедиции ОмГУ и Омского филиала Объединенного института истории, филологии и философии, 1996 г. Музей археологии и этнографии музейного комплекса ОмГУ. Ф. I. Д. 93-6, карт. 5; Д. 104-1, карт. 1–35.
- Новиков, 1999** – Новиков А.В. Традиционное гончарство русского населения лесостепи Западной Сибири в конце XIX – первой половине XX в. (вопросы технологии по этнографическим материалам) // *Этнографо-археологические комплексы: Проблемы культуры и социума*. 1999. Т. 4. С. 52–76.
- Посредников, 1987** – Посредников В.А. Керамика эпохи бронзы из Большого Ларьяка // *Вопросы археологии и этнографии Сибири*. Томск, 1987. С. 13–25.
- Похлебкин, 1997** – Похлебкин В.В. Собрание избранных произведений. Национальные кухни наших народов. М., 1997. 639 с.
- Розенфельдт, 1962** – Розенфельдт Р.Л. Заметки о древнерусском керамическом производстве // *Краткие сообщения Института археологии*. № 87. 1962. С. 108–111.
- Розенфельдт, 1997** – Розенфельдт Р.Л. Домашняя утварь. Керамика // *Археология. Древняя Русь. Быт и культура*. Москва, 1997. 369 с.
- Рыбаков, 1987** – Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. 783 с.
- Садретдинова, 1992** – Садретдинова Г.А. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Т. 2. Томск, 1992. 244 с.
- Садретдинова, 1993** – Садретдинова Г.А. Словарь русских старожильческих говоров Среднего Прииртышья. Т. 3. Томск, 1993. 356 с.
- Самигулов, 2007** – Самигулов Г.Х. Историко-археологические исследования русских поселений Нового времени Урала и Сибири. К вопросу о методологии исследований // *Труды Камской археолого-этнографической экспедиции*. 2007. Вып. 4. С. 114.
- Скалозубов, 1895** – Скалозубов Н.Л. Опыт обзора крестьянских промыслов Тобольской губернии. Тобольск, 1895. 106 с.
- Славянские древности.., 1995** – Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. 584 с.
- Словарь русского языка, 1982** – Словарь русского языка XI–XVII вв. / Бобрик М.А., Дегтев С.В., Державина Е.И. и др. Вып. 9. М., 1982. 363 с.
- Соболев, 1910** – Соболев М.Н. Кустарные промыслы Томской губернии // *Труды статистико-экономического отделения юридического кабинета при императорском Томском университете*. Вып. V. 1910. 50 с.
- Сопова, Татаурова, 2017** – Сопова К.О., Татаурова Л.В. Современные подходы и методы в изучении русской керамики Нового времени // *Культура русских в археологических исследованиях*. Омск, 2017. С. 133–140.
- Татауров и др., 2019** – Татауров С.Ф., Татауров Ф.С., Татаурова Л.В., Тихонов С.С. Археологическая летопись земли Тарской. Омск, 2019. 412 с.
- Татаурова, 1995** – Татаурова Л.В. К методике изучения керамики археолого-этнографического комплекса // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Ч. 1. Омск, 1995. С. 23–25.
- Татаурова, 1996** – Татаурова Л.В. Процесс исчезновения традиционного гончарства у татар в низовьях Тары // *Интеграция археологических и этнографических исследований*. Новосибирск-Омск, 1996. Ч. 2. С. 47–48.
- Татаурова, 1997** – Татаурова Л.В. Керамическое производство Нижней Тары в XVII–XX вв. (по данным археологии и этнографии). Омск, 1997. 202 с.
- Татаурова, 1998** – Татаурова Л.В. Типология русской керамики (по этнографическим материалам) // *Этнографо-археологические комплексы: проблемы культуры и социума*. Новосибирск, 1998. С. 206–218.
- Татаурова, 2013** – Татаурова Л.В. Глиняный горшок как архетип в славяно-русской культуре // *Українська керамологія: Національний науковий щорічник. За рік 2012. Глиняний посуд у культурі харчування народів світу*. Опішне, 2013. Кн. VIII. Т. 1. С. 254–265.
- Татаурова и др., 2014** – Татаурова Л.В., Татаурова С.Ф., Татаурова Ф.С. и др. Адаптация русских в Западной Сибири в конце XVI–XVIII в. (по материалам археологических исследований). Омск, 2014. 374 с.
- Татаурова, 2015** – Татаурова Л.В. О типологии русской керамической посуды XVIII в. // *Современные подходы к изучению древней керамики*. 2015. С. 142–154.

- [Татаурова, 2015а](#) – Татаурова Л.В. Специфика археологического источника Нового времени // *Вестник Сургут ГПУ*. 2015. № 3 (36). С. 98-103.
- [Топорков, 1990](#) – Топорков А.Л. Домашняя утварь в поверьях и обрядах Полесья // *Этнокультурные традиции русского сельского населения XIX – начала XX в.* М., 1990. С. 82-97.
- [Этнография русского крестьянства., 1981](#) – Этнография русского крестьянства Сибири. XVII – середина XIX в. М., 1981. 270 с.

References

- [Anoshko, Seliverstova, 2009](#) – Anoshko, O.M., Seliverstova, T.V. (2009). Kharakteristika russkoi goncharnoi posudy iz raskopok na territorii Verkhnego posada g. Tobol'ska. [Characteristics of Russian pottery from excavations on the territory of the Upper Posad of Tobolsk]. *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7: 80-90. [in Russian]
- [Arkheologiya..., 2005](#) – Arkheologiya pozdnego perioda istorii. Materialy Kruglogo stola, provedennogo redaktsiei i redkollegiei zhurnala «Rossiiskaya arkheologiya» [Archeology of the Late Period of History. Materials of the round table held by the editorial board and editorial counsel of the "Russian archeology" journal]. *Rossiiskaya arkheologiya*. 1: 81-89. [in Russian]
- [Artem'ev, 2007](#) – Artem'ev, A.R. (2007). Pamyatniki istorii osvoeniya russkimi Sibiri i Dal'nego Vostoka na sovremennom etape arkheologicheskogo izucheniya [Monuments of the history of the development of Siberia and the Far East by the Russians at the present stage of archaeological study]. *Russkie pervoprophodtsy na Dal'nem Vostoke v XVII–XIX vv.: Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya*. Vol. 5, pt. 1. Vladivostok, pp. 124-171. [in Russian]
- [Balyunov, 2018](#) – Balyunov, I.V. (2018). Tobol'skaya keramicheskaya posuda kontsa XVI – XVII veka: opyt klassifikatsii [Tobolsk pottery of the late 16th – 17th centuries: classification experience]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya*. 5: Arkheologiya i etnografiya. Pp. 120-129. [in Russian]
- [Belovinskii, 2007](#) – Belovinskii, L.V. (2007). Illyustrirovannyi entsiklopedicheskii istoriko-bytovoii slovar' russkogo naroda XVIII – nachalo XX v. [Illustrated encyclopedic historical dictionary of the Russian people of the 18th – early 20th centuries]. Moscow. 784 p. [in Russian]
- [Bobrinskii, 1978](#) – Bobrinskii, A.A. (1978). Goncharstvo Vostochnoi Evropy. Istochniki i metody izucheniya [Pottery of Eastern Europe. Sources and methods of study]. Moscow, 272 p. [in Russian]
- [Byt velikoruskikh krest'yan., 1993](#) – Byt velikoruskikh krest'yan-zemlepahtsev (Opisanie materiala etnograficheskogo byuro knyazya V.N. Tenisheva) [Life of Russian peasants-tillers (Description of the material of the ethnographic bureau of Prince V.N. Tenishev)]. Saint Petersburg, 1993, 238 p. [in Russian]
- [Dal', 1998](#) – Dal', V.I. (1998). Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka [The Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language by Vladimir Dahl]. Moscow, 1, 944 p.; vol. 2, 1024 p. [in Russian]
- [Etnografiya russkogo krest'yanstva, 1981](#) – Etnografiya russkogo krest'yanstva Sibiri. XVII – sredina XIX vv. [Ethnography of the Russian peasantry in Siberia. The XVII – mid XIX cc.]. Moscow, 1981, 270 p. [in Russian]
- [Gening, 1973](#) – Gening, V.F. (1973). Programma statisticheskoi obrabotki keramiki iz arkheologicheskikh raskopok [Program for statistical processing of pottery from archaeological excavations]. *Sovetskaya arkheologiya*. 1: 114-135. [in Russian]
- [Glushkov, 1996](#) – Glushkov, I.G. (1996). Keramika kak arkheologicheskii istochnik [Pottery as an archaeological source]. Novosibirsk. 382 p. [in Russian]
- [Koval', 2011](#) – Koval', V.Yu. (2011). Keramicheskoe proizvodstvo v tsentral'nykh raionakh Rossii v XVII-XIX vv. [Pottery production in the central regions of Russia in the 17th-19th centuries]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh: mezhdistitsiplinarnye metody i tekhnologii*. Omsk, pp. 317-323. [in Russian]
- [Likhter, 2015](#) – Likhter, Yu.A. (2015). Veshchestvennyi istochnik i baza dannykh – printsipy vzaimodeistvii [Material source and database - principles of interactions]. Moscow, 414 p. [in Russian]
- [Mamontova, 2014](#) – Mamontova, O.S. (2014). Goncharstvo russkogo naseleniya Altaya v kontse XIX – pervoi polovine XX vv. [Pottery of the Russian population of Altai in the late 19th – first half of the 20th centuries]. Tomsk, 258 p. [in Russian]
- [Materialy kompleksnoi., 1996](#) – Materialy kompleksnoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii OmGU i Omskogo filiala OIIF SO RAN [Materials of the complex archaeological and ethnographic expedition of the Omsk State University and the Omsk branch of the United Institute of History, Philology and Philosophy, 1996]. Muzei arkheologii i etnografii muzeinogo kompleksa OmGU. F. I. D. 93-6, kart. 5; D. 104-1, kart. 1–35. [in Russian]
- [Pokhlebin, 1997](#) – Pokhlebin, V.V. (1997). Sbranie izbrannykh proizvedenii. Natsional'nye kukhni nashikh narodov [Collection of selected works. National cuisines of our peoples]. Moscow, 639 p. [in Russian]
- [Posrednikov, 1987](#) – Posrednikov, V.A. (1987). Keramika epokhi bronzy iz Bol'shogo Lar'yaka. [Bronze Age pottery from Bol'shoy Laryak]. *Voprosy arkheologii i etnografii Sibiri*. Tomsk, pp. 13-25. [in Russian]

- Rozenfel'dt, 1962** – *Rozenfel'dt, R.L.* (1962). Zametki o drevnerusskom keramicheskom proizvodstve. [Notes on ancient Russian ceramic production]. *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii*. 87. pp. 108–111. [in Russian]
- Rozenfel'dt, 1997** – *Rozenfel'dt, R.L.* (1997). Domashnyaya utvar'. Keramika [Home ware. Ceramics]. *Arkheologiya. Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura*. Moscow, 369 p. [in Russian]
- Rybakov, 1987** – *Rybakov, B.A.* (1987). Yazychestvo Drevnei Rusi [Paganism of Ancient Rus]. Moscow, 783 p. [in Russian]
- Sadretdinova, 1992** – *Sadretdinova, G.A.* (1992). Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya [Dictionary of Russian old-time dialects of the Middle Irtysh region]. Vol. 2. Tomsk, 244 p. [in Russian]
- Sadretdinova, 1993** – *Sadretdinova, G.A.* (1993). Slovar' russkikh starozhil'cheskikh govorov Srednego Priirtysh'ya [Dictionary of Russian old-time dialects of the Middle Irtysh region]. Vol. 3. Tomsk, 356 p. [in Russian]
- Samigulov, 2007** – *Samigulov, G.Kh.* (2007). Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya russkikh poselenii Novogo vremeni Urala i Sibiri. K voprosu o metodologii issledovaniy [Historical and archaeological research of Russian settlements of the New Age in the Urals and Siberia. On the question of research methodology]. *Trudy Kamskoi arkheologo-etnograficheskoi ekspeditsii*. Is. 4. Perm, 114 p. [in Russian]
- Skalozubov, 1895** – *Skalozubov, N.L.* (1895). Opyt obzora krest'yanskikh promyslov Tobol'skoi gubernii [An experience of reviewing peasant crafts in the Tobolsk]. Tobolsk, 106 p. [in Russian]
- Slavyanskije drevnosti., 1995** – *Slavyanskije drevnosti: Etnolingvisticheskii slovar'* [Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary]. Vol. 1. Moscow, 1995, 584 p. [in Russian]
- Slovar' russkogo yazyka, 1982** – *Slovar' russkogo yazyka XI-XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the XI-XVII cc.]. Bobric M.A., Degtev E.I., Derzhavina E.I. et al. Moscow, 1982, 363 p. [in Russian]
- Sobolev, 1910** – *Sobolev, M.N.* (1910). Kustarnye promysly Tomskoi gubernii [Handicrafts of the Tomsk province]. *Trudy statistiko-ekonomicheskogo otdeleniya yuridicheskogo kabineta pri imperatorskom Tomskom universitete*. 5: 50. [in Russian]
- Sopova, Tataurova, 2017** – *Sopova, K.O., Tataurova, L.V.* (2017). Sovremennye podkhody i metody v izuchenii russkoi keramiki Novogo vremeni [Contemporary approaches and methods in the study of Russian pottery of the Modern age]. *Kul'tura russkikh v arkheologicheskikh issledovaniyakh*. Omsk, pp. 133-140. [in Russian]
- Tataurov, 2019** – *Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tataurova, L.V., Tikhonov, S.S.* (2019). Arkheologicheskaya letopis' zemli Tarskoi [Archaeological chronicle of the Tara land]. Omsk, 412 p. [in Russian]
- Tataurova, 1996** – *Tataurova, L.V.* (1996). Protseess ischeznoveniya traditsionnogo goncharstva u tatar v nizov'yakh Tary [The disappearance of traditional pottery among the Tatars in the lower reaches of the Tara]. *Integratsiya arkheologicheskikh i etnograficheskikh issledovaniy*. Pt. 2. Novosibirsk; Omsk, pp. 47-48. [in Russian]
- Tataurova, 1997** – *Tataurova, L.V.* (1997). Keramicheskoe proizvodstvo Nizhnei Tary v XVII-XX vekakh (po dannym arkheologii i etnografii). [Pottery production of the Lower Tara in the 17th-20th centuries (according to archeology and ethnography data)]. Omsk, 202 p. [in Russian].
- Tataurova, 1998** – *Tataurova, L.V.* (1998). Tipologiya russkoi keramiki (po etnograficheskim materialam) [Typology of Russian pottery (based on ethnographic materials)]. *Etnografo-arkheologicheskie komplekсы : problemy kul'tury i sotsiuma*. Novosibirsk, pp. 206-218. [in Russian]
- Tataurova, 2013** – *Tataurova, L.V.* (2013). Glinyanyi gorshok kak arkhetyip v slavyano-russkoi kul'ture. [Clay pot as an archetype in Slavic-Russian culture]. *Ukrains'ka keramologiya: Natsional'nii naukovii shchorichnik. Za rik 2012. Glinyanii posud u kul'turi kharchuvannya narodiv svitu*. Opishne. Is. 8, vol. 1, pp. 254-265. [in Russian].
- Tataurova i dr., 2014** – *Tataurova, L.V., Tataurov, S.F., Tataurov, F.S., Tihomirov, K.N., Tihonov, S.S.* (2014). Adaptatsiya russkikh v Zapadnoj Sibiri v kontse XVI – XVIII vekah (po materialam arheologicheskikh issledovaniy). [Adaptation of Russians in Western Siberia at the end of the 16th – 18th centuries (based on archaeological research)]. Omsk, 374 p. [in Russian]
- Tataurova, 2015** – *Tataurova, L.V.* (2015). O tipologii russkoi keramicheskoi posudy XVIII v. [On the typology of Russian pottery of the 18th century]. *Sovremennye podkhody k izucheniyu drevnei keramiki*. Moscow, pp. 142-154. [in Russian]
- Tataurova, 2015a** – *Tataurova, L.V.* (2015). Spetsifika arkheologicheskogo istochnika Novogo vremeni [The specifics of the archaeological source of the Modern age]. *Vestnic Surgut'skogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 3 (36): 98-103. [in Russian].
- Toporkov, 1990** – *Toporkov, A.L.* (1990). Domashnyaya utvar' v pover'yakh i obryadakh Poles'ya. [Household ware in the beliefs and rituals of Polesie]. *Etnokul'turnye traditsii russkogo sel'skogo naseleniya XIX – nachala XX v.* Moscow, pp. 82-97. [in Russian]
- Volodina, Chernaya, 2012** – *Volodina, V.S., Chernaya, M.P.* (2012). K metodike issledovaniya russkoy srednevekovoy gorodskoy keramiki kak istoricheskogo istochnika [To the research methodology of Russian

medieval urban ceramics as a historical source]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2(64): 332-336. [in Russian]

Zelenin, 1994 – Zelenin, D.K. (1994). *Izbrannye trudy. Stat'i po dukhovnoi kul'ture* [Selected Works. Articles about spiritual culture]. 1901–1913. Moscow, 400 p. [in Russian]

Русская керамика Западной Сибири – от настоящего к прошлому: методические аспекты

Лариса Вениаминовна Татаурова ^{a, b, *}, Кристина Олеговна Сопова ^a

^a Институт археологии и этнографии СО РАН, Омская лаборатория археологии, этнографии и музеологии, Омск, Российская Федерация

^b Национальный исследовательский Томский государственный университет, Лаборатория археологических и этнографических исследований Западной Сибири, Томск, Российская Федерация

Аннотация. Керамическая посуда – самый массовый вид находок в археологических собраниях – также широко представлена в этнографических коллекциях музеев. Несмотря на это, она достаточно слабо изучена. В статье представлены результаты изучения русской археологической керамики из комплексов Нового времени и этнографической посуды из музейных коллекций в рамках единой методики. Для анализа взят наиболее представленный в коллекциях тип посуды – горшок. В процессе изучения выявлена закономерность в соотношении диаметров горшков по венчику, высоте и объему. Выделены три группы горшков: малые, средние и большие. Сделан вывод о схожести размерных характеристик выделенных групп сосудов и морфологии венчиков археологической и этнографической русской глиняной посуды. Применение единой методики выявило репрезентативную картину керамических типов, отражающую особенности метрических данных, морфологии, технологии изготовления. Для интерпретации полученных результатов проанализированы письменные источники, содержащие информацию о развитии гончарного промысла в уездах, городах и деревнях Западной Сибири XIX в. Результаты показали, что широко было развито как ремесленное, так и домашнее гончарное производство. Объем продукции исчислялся тысячами изделий в год.

Функциональное назначение размерных групп горшков выявлялось по этнографическим материалам, лингвистическим и фольклорным источникам. Зафиксирована терминологическая разница в характеристике размерных групп горшков. По этнографическим источникам прослежены функциональные особенности посуды не только в рамках повседневного, но и обрядово-ритуального использования. Эти интерпретации важны для ретроспективного анализа археологического материала.

Ключевые слова: русская археологическая и этнографическая керамика, методика, Новое время, Западная Сибирь, интерпретация.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: li-sa65@mail.ru (Л.В. Татаурова), sopovaukropova@gmail.com (К.О. Сопова)